

КОЛИБРИ

АЛАН БЛЭКВУД

Алан Блэквуд

Колибри

<https://litres.ru/74418754>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сиэтл, 1986 год.

В зале окружного суда Аннабель Вэнс считают безупречным механизмом. Старший стенографист с феноменальным слухом, она способна протоколировать чужие истории со скоростью 240 слов в минуту, прячась за стуком клавиш от личного кошмара — десять лет назад дождливой ночью бесследно исчезла ее младшая сестра Мэйси.

Привычный контроль рушится, когда перед судом предстает Артур Ли Кроуфорд — нелюдимый радиоинженер, обвиняемый в череде похищений на шоссе. Человек, хранивший ледяное молчание на всех допросах, проходя мимо Энн, едва слышно шепчет фразу, которую знали только в ее семье: «Колибри. Прием». Это был тайный радиопозывной Мэйси.

Пытаясь понять, откуда подсудимому известны ее тайны, Энн начинает собственное расследование в мире магнитных бобин, полицейских радиоперехватов и загадочных звонков. Но чем глубже она вслушивается в архивные записи, тем очевиднее: за помехами в эфире прячется чужая изошренная ложь, а главный ответ скрыт в ее собственной памяти.

Содержание

Колибри	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алан Блэквуд

Колибри

Колибри

Судебный зал номер четыре окружного суда округа Кинг пахнет почти одинаково в любое время года: мокрой шерстью казенных пальто, полиролью на дубовых панелях и пылью, спекшейся на лампах дневного света. Но в октябре к этому добавляется запах прелой хвои и сырого асфальта с Четвертой авеню. В Сиэтле шел дождь — мелкий, бесконечный, размывающий очертания кирпичных фасадов за высокими арочными окнами.

Пальцы Энн лежали на клавиатуре стенографа. Двадцать две бархатистые клавиши из черного эбонита, ни одной буквы на них — только чистая мышечная память и двадцать шесть звуковых аккордов, разделенных на фонемы. Для всех остальных человеческая речь была мыслью, эмоцией, ложью или раскаянием. Для Энн Вэнс она всегда была частотой колебаний, которую ее кисти немедленно переводили в бумажную перфоленду. Лента шириной в пару дюймов ровной, непрерывной гармошкой укладывалась в плексигласовый лоток у ее колен.

Клац-клац-клац.

Двести сорок слов в минуту. Скорость, при которой язык перестает быть словом и становится ритмом сердечных сокращений.

— ...дело штата Вашингтон против Артура Ли Кроуфорда, — монотонно зачитывал помощник прокурора. Его голос звучал на низких тонах, около ста двадцати герц, с легким носовым призвуком из-за осеннего синусита. — Предварительное слушание по вопросу допустимости вещественных доказательств стороны обвинения.

Судья Уэйнрайт, сухой старик с лицом цвета старого пергамента, коротко кивнул приставам у тяжелой дубовой двери в левом крыле зала:

— Введите обвиняемого.

Дверная защелка лязгнула с глухим резонансом незапертого сейфа. Этот звук Энн знала наизусть. Затем раздался звон железа — короткая цепь между ножными браслетами, волочащаяся по линолеуму с интервалом в полторы секунды.

Вошел Артур Ли Кроуфорд.

В газетах его окрестили «Радиоинженером с пятьдесят второго шоссе», хотя окружной прокурор еще не успел доказать ни одного эпизода. Шесть месяцев пресса смаковала пустые поляны в предгорьях Каскадных гор, найденные женские сумочки и радиопередатчики, брошенные в багажниках ржавеющих машин. Сам Кроуфорд не сказал следователям ни единого слова с момента задержания на бензоколонке под

Норт-Бендом. Ни имени. Ни признания. Ни требования адвоката. На всех протоколах допросов вместо подписи стоял прямой росчерк судебного назначенца.

Энн не поднимала взгляда от пюпитра машинки. Профессиональная этика стенографиста требует стерильности: ты не свидетель, ты акустический прибор. Но периферийное зрение фиксировало его движение.

Он был худым, почти прозрачным в мешковатом оранжевом комбинезоне окружной тюрьмы. Седеющие волосы, коротко остриженные тупыми казенными ножницами, впалые щеки, обтянутые серой кожей. Больше всего он походил не на хищника, державшего в оцепенении три округа, а на мелкого конторского клерка, случайно попавшего под софиты.

Конвой вел его через узкий центральный проход. Путь к скамье подсудимых пролегал в полуметре от круглого стола стенографиста.

Пристав с левой стороны придержал Кроуфорда за предплечье, притормаживая перед поворотом к барьеру. Звякнули кандалы.

Энн продолжала выбивать слоговые аккорды, фиксируя стандартный процессуальный диалог между судьей и защитником. Пальцы двигались автоматически: *Т-О-Р-Т... С-У-Д... В-О-З-Р...*

Кроуфорд поравнялся с ее столом. И остановился.

Это длилось меньше секунды — пристав сзади уже толкнул его ладонью между лопаток, возвращая в движение, —

но за эту долю секунды обвиняемый чуть повернул голову. Он не смотрел на судью, не смотрел на присяжных, которых сегодня здесь даже не было.

Его взгляд упал точно на руки Энн, застывшие над эбонитовыми клавишами.

Воздух вырвался из его груди коротким, сухим щелчком, едва различимым за шорохом дождевых капель в стеклах и гулом вентиляционной шахты над трибуной. Губы Кроуфорда едва разомкнулись. Без связок, на одном выдохе, на частоте, которую нормальное ухо приняло бы за трение шерсти о металл наручников.

— *Колибри. Прием.*

Пальцы Энн соскользнули.

Машинка выдала резкий, сдвоенный щелчок заклинивших литер. Бумажная лента дернулась и замерла в перекошенном пазу.

В горле у Энн пересохло так резко, словно туда плеснули технического спирта. Кровь отхлынула от лица с тяжелым, пульсирующим шумом, перекрывшим все звуки зала номер четыре — точно так же, как перекрывает эфир мощная несущая частота незарегистрированного передатчика.

Колибри.

Это не было совпадением. Это не могло быть совпадением.

Это был позывной Мэйси. Октябрь 1976 года. Домашняя радиостанция Midland, настроенная на одиннадцатый граж-

данский канал. Запасной передатчик в подвале их старого дома у озера, на панели которого четырнадцатилетняя Мэйси нацарапала маникюрными ножницами: *K-O-L-I-B-R-I*. Десять лет назад этот передатчик сгорел вместе со всеми вещами в полузаброшенной котельной, а сама Мэйси растворилась в сыром тумане шоссе за две недели до Хэллоуина.

Этого слова не было ни в одном полицейском отчете. Ни в ориентировках Тома Дилэни, ни на выцветших плакатах с фотографией круглолицей девочки с брекетами, которые еще пару лет назад болтались на столбах округа. Энн никогда не произносила его вслух на допросах. Для следователей радиостанция была просто грудой оплавленного металла в подвале, а детские игры в радиоэфир — несущественной деталью.

— Мисс Вэнс?

Голос судьи Уэйнрайта пробился сквозь ватный гул в ушах.

Энн медленно подняла голову. Кроуфорд уже сидел за столом защиты, спиной к ней. Его плечи были неподвижны, руки в наручниках спокойно лежали на полированном дереве. Он не оборачивался. Он вел себя так, словно между ними ничего не произошло.

— Мисс Вэнс, у вас всё в порядке с лентой? — повторил Уэйнрайт, сдвигая очки на кончик носа и глядя на нее поверх бумаг. — Мы ждем фиксации ходатайства стороны защиты.

— Да, ваша честь, — выдавила Энн. Ее голос прозвучал слишком ровно, неестественно гладко для человека, чьи внутренности только что скрутило ледяным спазмом. — Механический сбой в подающем узле. Прошу прощения.

Она потянула за край ленты, выправляя замятый участок. Пальцы были ледяными и влажными от внезапно выступившего пота.

На белой бумаге, прямо перед полосой замятия, красовались две бессмысленные, выбитые вслепую строчки стенографического кода:

К - О - L

В - R - I

Она напечатала это сама. В ту самую долю секунды, когда шепот Кроуфорда коснулся ее слуха, пальцы сработали раньше, чем включилось сознание.

Слева, за барьером для публики, сидел детектив Том Дилэни в мятом плаще, от которого шел отчетливый дух дешевого табака. Он внимательно смотрел на нее из-под кустистых бровей, чуть склонив голову набок. Он знал Энн Вэнс с шестнадцати лет. Он знал, как выглядит ее лицо, когда память подбирается слишком близко к запретной черте.

Энн заправила ленту обратно в плексигласовый лоток, выпрямила спину и положила подушечки пальцев на эбонит.

— Защита может продолжать, — сказал судья.

Адвокат поднялся с места. Зазвучали фразы: *статья сто*

пятьдесят четыре... протокол изъятия от двенадцатого апреля... нарушение процедуры обыска...

Энн механически была по клавишам, но внутри нее уже не было зала суда.

Там, в темноте запертых воспоминаний, снова с тихим скрипом открывалась тяжелая дверь родительской ванной комнаты, и сквозь шум дождя за окном пробивался монотонный, нескончаемый гул воды, переливающейся через край эмалированного чугуна.

Слушание завершилось в четыре часа дня. Судья Уэй-нрайт объявил перерыв до понедельника, ударил молотком по деревянной подставке — звук отдался в висках Энн тупой, резкой болью, — и зал номер четыре начал медленно выдыхать.

Шорох складываемых в кожаные портфели бумаг. Скрип дубовых скамей. Пристав снова защелкнул браслеты на запястьях Кроуфорда за его спиной. На этот раз обвиняемый даже не взглянул в ее сторону. Он шел, глядя прямо перед собой, слегка сутулясь, и звон ножных кандалов ритмично ударял по нервам Энн, пока дверь конвойного помещения не захлопнулась за его оранжевой спиной.

Энн не шевелилась. Она сидела за своим столом, дожидаясь, пока зал опустеет.

— Энни.

Тяжелая рука в мокром шерстяном рукаве оперлась на угол ее пюпитра. От Дилэни пахло сырým дождем, старым

табаком «Честерфилд» и дешевым мятным леденцом, которым он безуспешно пытался этот табак заглушить.

— Ты бледная, как лист бумаги, — сказал он негромко. В его хриплом голосе не было начальственных интонаций — только усталая забота человека, который десять лет назад держал шестнадцатилетнюю Энн за плечи на обочине ночного шоссе, пока врачи скорой светили ей фонариком в расширенные зрачки. — Что там случилось с машинкой?

Энн методично сложила бумажную гармошку перфоленты в картонную коробку и щелкнула металлическим замком кофра стенотипа.

— Ленту перекосило в пазу, Том. Катушка с краской старая, зацепила край.

Дилэни прищурился. Его серые, полинявшие от бессонницы глаза скользнули по ее лицу, задерживаясь на побелевших костяшках пальцев.

— Ты смотрела на него так, словно увидела призрака.

— Это и есть призрак, Том. Ты сам притащил его в этот зал. Весь город только и говорит, что о телах вдоль шоссе.

— Мы еще не нашли ни одного тела, Энни, — сухо отрезал детектив, и в его голосе прорезался металл. — Только вещи. Одежду, заколки, туфли. И этот сукин сын молчит уже полгода. Если судья завернет материалы обыска в понедельник, мне придется выпустить его под залог через тридцать дней.

— Он не выйдет, — тихо произнесла Энн, защелкивая

второй замок кофра. — Ты не дашь ему выйти.

Дилэни вздохнул, достал из кармана плаща смятую пачку сигарет, вспомнил, где находится, и сунул ее обратно.

— Поезжай домой, Энни. Поешь горячего. На тебе лица нет. Я загляну к тебе завтра вечером, проверю, как замки. Ты опять забываешь закрывать заднюю дверь на веранду.

— Всё закрыто, Том. Спасибо.

Она дождалась, пока тяжелые шаги детектива стихнут в коридоре. Затем поднялась, взяла кофр и направилась не к выходу, а в глубь судебного флигеля — туда, где за узкой металлической дверью с табличкой «Контрольно-техническая служба» располагалась аппаратная резервной аудиофиксации.

Правила штата требовали дублировать каждое слушание на магнитную ленту на случай утери стенограммы или разногласий сторон. Никто эти бобины обычно не слушал — они пылились в картонных коробках на стеллажах до истечения срока давности по делу.

В маленькой комнате без окон пахло нагретой пластмассой и изоляцией. Дежурный клерк, прыщавый парень по имени Бобби, сидел в наушниках, листая журнал с автомобилями.

— Привет, Энн. За протоколом?

— Мне нужна контрольная катушка с четвертого зала за сегодня, — сказала она ровным, деловым тоном. — Замяло ленту в районе показаний стороны обвинения, нужно вос-

становить три фразы для чистовика.

Бобби без лишних вопросов повернулся к стеллажу, снял с металлической полки семидюймовую катушку темного пластика с коричневой магнитной лентой Ampex и протянул ей:

— Верни до полуночи в ящик архива, ладно? А то старик Моррис утром плешь проест.

— Верну через два часа.

Выйдя из здания суда под холодный дождь, Энн не поехала домой. Она свернула на Пятую авеню, к неприметному трехэтажному кирпичному зданию, где в полуподвале располагалась студия местной университетской радиостанции КЕХР. До того как уйти в суд за стабильной пенсией и медицинской страховкой, Энн три года подрабатывала здесь звукомонтажером — резала пленку бритвой на алюминиевом монтажном столике, клеивала заставки и чистила шумы на ночных эфирах.

В шесть вечера студия была пуста: вечерний эфир шел из основной аппаратной на третьем этаже. В монтажной комнате царил полумрак, нарушаемый лишь зеленой подсветкой аналоговых индикаторов.

Энн поставила кофр на пол, сняла мокрое пальто и села за массивный студийный магнитофон *Revox B77*. Рядом стоял кассетный дек *Nakamichi Dragoni* трехполосный графический эквалайзер — редкая и дорогая техника, способная вытянуть звук буквально со дна океана.

Она установила катушку на левый сердечник, заправила ленту мимо магнитных головок, защелкнула правый фиксатор и надела тяжелые студийные наушники Sennheiser.

Перемотка взвывла коротким реактивным свистом. Энн остановила ленту по счетчику — примерно тридцать пятая минута заседания, момент, когда в зал ввели обвиняемого.

Она нажала *Play*.

В уши ударил привычный акустический слепок зала номер четыре: глухой бас вентиляции на шестидесяти герцах, далекий скрип двери, монотонный бубнеж помощника прокурора.

Вот звякнули ножные кандалы.

Шаг. Звяк. Шаг. Звяк.

Кроуфорд приближался к микрофону стенографического стола.

Энн остановила пленку. Включила эквалайзер. Срезала низкие частоты ниже двухсот герц, чтобы убрать гул линолеума и шагов конвоя. Подняла полосу в районе трех килогерц — там, где обычно живет человеческий шепот, шипящие согласные и движение губ. Выкрутила входной уровень предусилителя до предела, когда стрелки индикаторов дрогнули и ушли в опасную красную зону.

Снова *Play*.

Шум в наушниках стал резким, зернистым, похожим на шуршание наждачной бумаги по сухому дереву.

Вот скрипнули половицы у ее столика. Пауза. Слышно

прерывистое дыхание самого конвоира.

И затем — сухой, царапающий звук, пробивающийся сквозь шорох микрофонной мембраны:

— *Колибри. Прием.*

Энн зажмурилась. Пальцы судорожно впились в край деревянного стола. Это не было наваждением. Он действительно сказал это.

Но стрелка правого канала в этот момент дернулась еще раз — чуть дальше по шкале времени, буквально через полсекунды, когда пристав уже толкнул Кроуфорда в спину.

Там было что-то еще. Что-то, чего ее слух в зале суда не уловил из-за внезапного приступа паники.

Энн вернула ленту пальцем на несколько сантиметров назад. Нажала воспроизведение на половинной скорости.

Звук стал тягучим, утробным. Голос Кроуфорда растянулся в потусторонний, медленный скрежет, но в самой паузе между выдохом и ударом конвойного ботинка о пол отчетливо проступили три неразборчивых слога:

— *...вода... всё еще...*

Лента зашипела, и в наушниках раздался тот самый звук, который парализовал ее днем: сухой, сдвоенный грохот литер ее собственного заклинившего стено типа.

А сразу за ним — едва слышный в паузе между ударами шепот Кроуфорда, завершающий фразу:

— *...шумит, Энн.*

Энн сорвала наушники. Они с глухим стуком упали на ре-

зиновый коврик монтажного стола, продолжая тихо стрекотать мембранами: ...шумит, Энн... шумит, Энн...

Воздуха в комнате не осталось — только запах озона от разогретых ламп эквалайзера и пыльной ткани звукоизоляционных панелей. Энн уперлась ладонями в край стола, пытаясь выровнять дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, тяжелыми, аритмичными толчками.

Вода всё еще шумит.

Перед глазами вспыхнула резкая белая вспышка — не воспоминание, а фантомная боль: кафельный пол, скользкий от мыльной пены, и звук. Непрерывный, глухой, вибрирующий в водопроводных трубах гул наполняющейся ванны.

Она заставила себя зажмуриться, досчитала до пяти на каждом выдохе, как учил ее психотерапевт в семьдесят седьмом, когда ее пытались вытащить из полугодовой кататонии.

— Это провокация, — произнесла она вслух в пустую комнату. Ее собственный голос прозвучал чужим, придуроченным. — Он радиоинженер. Он мог перехватывать полицейские волны в семьдесят шестом. Он мог слышать ориентировки.

Но ориентировки не содержали упоминаний о шуме воды.

В рапортах Дилэни значилось: *«Мэйси Вэнс, четырнадцать лет. Вышла из дома около 19:30 в направлении автобусной остановки на Лейк-Сити-Уэй. Была одета в желтую ветровку, синие джинсы, вельветовые кеды. При себе имела портативный кассетный плеер».*

Ванная комната не фигурировала нигде. Дом не осматривали как место преступления. Полиция искала маньяка на темной трассе, искала попутку, водителя грузовика, бродягу из трейлерного парка у залива. Никто не задавал вопросов о том, почему в тот вечер пол на втором этаже был залит водой, а шестнадцатилетняя Энн сидела на крыльце под проливным дождем в одной сорочке, не способная выговорить собственное имя.

Энн протянула дрожащую руку к тумблеру питания. Магнитная лента мягко затормозила. Она перемотала катушку в самое начало, аккуратно сняла ее с сердечника и уложила обратно в серый картонный бокс. Металлическая пломба на коробке была сорвана, но Бобби не станет проверять — в субботу утром дежурит старый архивариус, который просто распишется в журнале приема.

Она взглянула на часы на стене студии. Восемь вечера.

Дождь за окном усилился, превращая свет редких неоновых вывесок на улице в размытые багровые пятна.

Е

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.